

Copyright © 2015 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya
Has been issued since 1834.
ISSN: 2409-3378
Vol. 5, Is. 3, pp. 100-110, 2015

DOI: 10.13187/zhmnp.2015.5.100
www.ejournal18.com

The History of National Education

UDC 323.37(477)

The Officialdom of the Russian Empire: Review of Western European and American Historiography of 1960th – 1980th

Sergey I. Degtyarev

Sumy State University, Ukraine
17 Komintern St., Sumy, 40009
Dr (History), Assistant Professor
E-mail: starsergo@bigmir.net

Abstract

Analyzed studying the history of the bureaucracy of the Russian empire XVIII–XIX centuries in the West European and American historiography. The merit of the scientists was the study of not only the administrative and political development of officials of the Russian empire, but also its socio-psychological and personal aspects. For example, researchers are actively studying: the influence of Russian officials on economic and social life of the empire (L. Mises); psychological connection of the nobility and the representatives of other classes with public service (M. Raeff, P. Dukes, W. Pintner); worldview of officials (R. Wortman); the transformation of officials into a separate social and administrative group (J. Hassell); personnel of different state institutions (J.P. LeDonne, R.D. Givens, R. Wortman); system of service incentives (H.A. Bennett); the impact of the progressive representatives of the higher bureaucracy for reforms of the first half of the nineteenth century (W.B. Lincoln) etc.

Special attention is paid to scientific use members of the American school of russistika, the appearance of which is associated with the beginning of the exchange of experience between the Soviet and American researchers in the 60-70 years of the twentieth century.

Keywords: Western European and American historiography, school of russistika, the Russian Empire, the officials, the bureaucracy.

Введение

Бюрократию периода Российской империи изучали многие исследователи и публицисты еще с конца XVIII в. Первыми это сделали историки, правоведы и государственные деятели самой Российской империи, которые пытались анализировать феномен современной им бюрократии с целью выявления ее положительных и отрицательных сторон. Иногда это даже влияло на политику правительства в административно-управленческой сфере. Гораздо меньшее внимание проблеме чиновничества Российской империи уделялось учеными советского периода. В современном постсоветском обществе интерес к данной тематике значительно вырос. Особенно богатой в этом направлении является современная российская историография. Но данной проблематикой занимаются также некоторые ученые из дальнего зарубежья. Они обратили

внимание на нее фактически со второй половины XX в. Ознакомиться с их наработками (так сказать «взглядом со стороны»), исследовательскими методами, которые они при этом применяли, крайне необходимо для всестороннего и более объективного изучения указанной проблемы. Данная статья является кратким обзором работ западноевропейских и американских авторов, посвященных различным аспектам истории гражданского чиновничества Российской империи.

Материалы и методы

Некоторые положения данной статьи освещались нами ранее в работе, посвященной анализу роли европейских и американских исследователей в изучении истории гражданского чиновничества на украинских землях, которые в течение XVIII в. вошли в состав Российской империи [3].

Обсуждение

Английские философы-позитивисты XIX в. Дж.С. Милль и Г. Спенсер подчеркивали опасность сосредоточения всей социальной инициативы в руках бюрократии. В частности Дж. Милль считал, что главными недостатками бюрократии является рутинность и формализм, вызванные отсутствием внешней критики (поскольку некому критиковать); большим массивом дел, которые были сосредоточены в руках исполнительной власти; отсутствием реальной заинтересованности реализаторов исполнительной власти в конечных результатах исполняемых ими функций [2, с. 9]. Но, невзирая на недостатки, бюрократия всегда была и остается важной (а нынче еще и неотъемлемой) составляющей любого общества. И для более эффективного существования и функционирования этого феномена, его следует детально изучать.

Известный австрийский экономист Л. Мизес исследовал роль государства в экономической и социальной жизни общества. В этом контексте он давал однобокую и негативную оценку российской бюрократии, которая, по словам ученого, пыталась взять под контроль экономику и социальную жизнь [4].

Одним из первых тему чиновничества Российской империи затронул американский ученый Марк Раев в своей статье «Российское самодержавие и его чиновничество», которая вышла свет в 1957 г. и позднее переиздавалась [27]. Со временем была издана и его монография, где он поверхностно также уделял внимание бюрократическому аппарату Российской империи XVIII в. [26]. Чтобы описать, как функционировала российская администрация, М. Раев обратился к социальным наукам, которые позволили ему разработать новый подход к пониманию этих процессов. Социологические модели в его работах использовались как инструмент для сравнительного понимания темы, в частности они позволили увидеть и описать недостаточный уровень профессионализма российской администрации.

Большое внимание он уделил влиянию на психологию дворян особенностей дворянской службы в России XVIII в. Эта, так называемая служебная, модель рассматривалась им с позиции ее влияния на сознание:

- а) всего дворянства, для которого эта модель, по мнению М. Раева, была единственным источником европеизации;
- б) той части дворян, которые получили во время подготовки к службе какое-то образование (и возможность приобщения к европейской культуре);
- в) наиболее опытных и образованных представителей элиты, которые были способны к самостоятельному отбору и восприятию западных идей.

М. Раев считал, что доминирующим элементом дворянского сознания была связь с государством. Власть воспринимала дворянина как деталь большого механизма и по этой причине ощущение такой связи становилось сильнее. Служба стала для дворян единственной сферой реализации принципа личного достоинства и единственным фактором стабильности.

Осознав, что служба – основа привилегированности, дворяне связывали свой статус с тем образом жизни, который она сформировала. Из этого вытекало и уважение к самой службе, которая воспитала благородные качества ума и характера, и к западной культуре и образованию как инструментам этого воспитания.

Но дворяне усваивали на службе и «бюрократические» взгляды, привыкая считать государство единственной силой, которая изменяла общество, а его (государства) интересы – единственными значимыми, иерархическую субординацию и исключительную покорность – единственной основой правильного управления, а одни и те же правила – равноценно применимыми во всех сферах жизни.

Все черты дворянской психологии М. Раев выводил из характерной для самодержавия XVIII в. идеи политической власти, согласно с которой статус личности зависел от пользы, которую она могла принести государству путем службы. Но эта же идея, по мнению исследователя, развивала в дворянах и чувство отчужденности от государства. До конца XVIII в. личная связь между высшей властью и господствующим сословием была окончательно ослаблена и отрыв дворян от государства стал неминуем (большую роль в этом сыграли акты 1762 г. о вольностях дворянам).

М. Раев даже дворянскую семью характеризовал как продолжение «служебной модели». Дворянин с детства привык смотреть на себя как на объект (со стороны родителей) и субъект (по отношению к крепостным-сверстникам) игры «в чины» и управление.

По мнению исследователя, основная черта правительственного аппарата имперской России – это отсутствие однородной, эффективной и сильной бюрократии. Он также акцентировал внимание на отсутствии в административном аппарате России первой половины XIX в. функционального разделения обязанностей и специализации персонала. Чиновники легко переходили из одного ведомства в другое [27, р. 80].

К числу наиболее фундаментальных работ в этом направлении стало исследование, посвященное российскому чиновничеству, которое увидело свет в 1967 г. в Берлине («Российское чиновничество в первой половине XIX в.»). Его автор, ученик М. Раева, доктор Х.-Й. Торке, используя большой массив литературы и архивных источников, сделал попытку сравнить положение российского чиновничества с западноевропейским [31].

В течение 1960–1980-х годов английские и американские исследователи изучали вопрос отношений самодержавия и дворянства Российской империи во второй половине XVIII–XIX вв. Среди их исследований были и такие, которые касались проблемы государственной службы дворян. Советский ученый М. Бабич даже выделил группу работ американских авторов, которые пытались решить вопрос о положении и роли сословия, исходя из приоритета «проблем управления». По его словам, они понимали социально-политическую историю как историю в первую очередь «институционную», то есть обусловленную развитием системы государственных органов и в меньшей степени различных общественных институтов. При этом исследователи главное внимание уделяли месту дворянства в структуре организации власти. М. Бабич связывал повышенный интерес американской историографии 60–80-х годов XX в. к проблемам управления с тем, что главное место в исследованиях социальной структуры господствующего класса заняло изучение истории чиновничества на основе метода коллективной биографии. В целом же, по мнению М. Бабича, англо-американская историография 60–80-х годов XX в., посвящена вопросам роли дворянства в государственной службе (и другим проблемам), а по своим выводам и утверждениям практически не отличается от российской «дооктябрьской» историографии [1, с. 64, 66, 70]. С последним утверждением тяжело согласиться в полной мере, поскольку дооктябрьская историография чиновничества в основном сводилась к обычной констатации фактов (с некоторыми исключениями): определение прав и обязанностей государственного служащего, компетенции тех или иных должностных лиц. А сами работы исследователей дооктябрьского периода чаще всего носили характер исключительно правовой, иногда историко-правовой. В зарубежной историографии указанного времени использованы методы, характерные именно для исторических исследований, а сами ученые затрагивают вопросы социального происхождения чиновничества, психологического восприятия ими службы, своего места в обществе и т.п.

Таким образом, заслугой зарубежных авторов является изучение не только административно-политического развития чиновничества Российской империи, но и его социально-психологического и личностного аспектов.

Всплеск интереса к истории Российской империи вообще и к проблематике ее чиновничества в частности связан с началом обмена опытом между советскими учеными и исследователями из западных государств в 60–70-х годах XX в. Известный советский

ученый П.А. Зайончковский в этот период очень сильно повлиял на развитие американской школы русистики, поскольку именно он руководил научно-исследовательской работой стажеров из США, а в будущем таких известных ученых, как Т. Еммонс, А. Рибер, Д. Филд, Р. Уортман и др. Научные интересы многих из них касались и российской бюрократии XVIII – начала XX вв.

Уже в 1976 г. появляется монография ученика П. Зайончковского Р. Уортмана, посвященная изучению изменений в составе и мировоззрении чиновничества, появлению чиновника «нового типа». В работе были использованы методы психологического анализа и литературной критики. Автор исследовал такую группу российской имперской бюрократии, как служащие судебного ведомства, среди которых он выделил «новых» чиновников, которые со временем составили группу юристов-профессионалов [32]. В дальнейшем объектом исследования Уортмана стала юстиция Российской империи первой половины XIX в. В этом контексте он разносторонне изучил чиновнический аппарат судебной системы данного периода, в частности чиновников и канцеляристов местных судебных учреждений (например, уездных судов). Р. Уортман сделал попытку определить социальное происхождение чиновников юстиции, их служебный опыт, предыдущую службу, образование, имущественный ценз (особенно размеры владения крепостными). Он также обозначил, как воспринималась ими служба в судебных учреждениях первой инстанции, какие перспективы у них появлялись благодаря этой службе [8]. Во время исследования этих вопросов ученый использовал преимущественно данные по так называемым великороссийским губерниям (Архангельская, Костромская, Курская, Орловская, Тамбовская и др.), лишь в редких случаях предоставляя информацию касательно других национальных регионов империи (например, по Черниговской губернии).

Тему российской имперской бюрократии с 1960-х годов разрабатывал также профессор Иллинойского университета (США) Ванев (Вани, Яни) [33]. В частности он уделял внимание институту сенаторов и его влиянию на развитие бюрократического аппарата империи. В 1973 г. на базе этого университета вышла его работа, где содержится систематический обзор государственного управления и бюрократии в Российской империи в течение XVIII–XIX вв. Один из ценных аспектов данной работы заключается в том, что автор кроме законодательных источников привлек большое количество как иностранной, так и русскоязычной литературы по исследуемой проблеме. Причем анализ русскоязычной литературы свидетельствует о значительной информированности профессора Ванева не только в российской дореволюционной историографии, но и в имеющейся в наличии в то время советской [34].

П. Дьюкс в своей монографии определяет дворянство как политический институт, который пребывает в системе государственной службы, а отношения дворянства с государством при этом сравнивает с отношениями крепостных с помещиками [11].

Дж. Хассел, соотнося некоторые положения законодательства с элементами сословного сознания, указывал на провал попытки Табели о рангах положить в основу карьеры личные качества чиновника вместо происхождения. Автор точно отметил незавершенность в XVIII в. формирования чиновничества в отдельную самостоятельную группу [14].

Американский исследователь российского дворянства Р. Джонс оценивал социальную политику периода Екатерины II с точки зрения соотношения элементов «бюрократического абсолютизма» и его «альтернативы». Сквозь призму интересов государства исследователь изучал изменения в системе дворянской службы со второй четверти XVIII в. до издания Манифеста Петра III; административное развитие 1760–1770-х годов; решение поднятого в Манифесте вопроса о дворянском статусе в Учреждении о губерниях и Жалованной грамоте. По мнению автора, эти акты утверждали в управлении принцип «прямой протяженности своих агентов» в противоположность иерархии полузависимых классов и институтов. Таким образом, находился компромисс между бюрократической структурой государственных учреждений и классовой структурой общества, что выражалось в соответствии чиновничества потомственному дворянству.

Оценивая российскую политику 1775–1785 гг., Р. Джонс указывал, что она объединяла интересы самодержавия и дворянства и при этом в ней сохранялись элементы «бюрократического абсолютизма». Затраты на управление провинцией увеличивались и Екатерина II отказалась от идеи ослабления помещичьей власти и законодательно решила

вопрос о месте дворян в обществе и государстве. Но и бюрократический характер финансового управления, и разрыв между дворянством и чиновничеством усилились, а корпоративные организации заменили личную подчиненность дворян коллективной ответственностью перед властью (Р. Джонс сравнивал эту ответственность с ответственностью сельской общины 1861 г.) [15, p. 229-287].

Р. Джонс также отмечал, что страх перед общим народным волнением, а со временем и перед французской революцией, помог Екатерине II увидеть в дворянах своего союзника и защитника существующего уклада жизни. Именно поэтому с середины 70-х годов XVIII в. правительство стало активно привлекать дворян в центральные и, особенно, местные государственные учреждения, расширять их права и привилегии, закрепленные еще в Жалованной грамоте 1785 г. [15, p. 292].

При этом Р. Джонс считал, что со второй половины XVIII в. государство сознательно пыталось усилить роль бюрократии, чтобы ликвидировать свою зависимость от дворянства. По его мнению, это правительству не удалось, по причине нехватки денег и чиновников на местах, не было нужного контроля за их деятельностью, дворяне не хотели занимать низшие должности в государственных учреждениях [15, p. 34-36, 154-168]. Такую позицию Р. Джонса также разделял и вышеупомянутый американский ученый М. Раев.

Дж. Александер хотя и посвятил свою монографию реакции правительства Екатерины II на восстание Е. Пугачева в 1773–1775 гг., считал, что причиной «институционного» провала в этот период была неизменность структуры власти в условиях эволюции общества. Именно освобождение дворян от службы привело к утрате ними связи с управлением. Описывая механизм работы системы государственного управления, автор не указал, в чем именно заключалось противоречие существующей формы этих отношений заданиям управления [9].

Профессор российской истории в университете Северного Иллинойса (США) В.Б. Линкольн исследовал роль наиболее прогрессивных представителей высшего чиновничества Российской империи в период проведения реформ Николая I и Александра II. В своих работах он отстаивает мысль о том, что именно так называемые «просвещенные бюрократы» стали не только основной движущей силой прогрессивных реформ второй половины XIX в., но и в определенной степени творцами качественно нового чиновничества (более ответственного в исполнении своих обязанностей, профессионального, с прогрессивными взглядами). «Просвещенные бюрократы» появляются в конце 30-х годов XIX в. в лицах Л. Перовского, П. Киселева, В. Панина, А. Заболоцкого и других представителей высшей бюрократии империи. Они пытались использовать свои ведомства для подготовки опытных молодых чиновников, дать им такие знания законодательства, какого университеты и Училище правоведения дать не могли [20, p. 65; 7]. Причину появления таких чиновников американский ученый видел в расцвете формализма, когда чиновник, который тратил часть дня на дела, которые имели значение, был чаще исключением, чем правилом. Но уже в середине 60-х годов XIX в. «просвещенная бюрократия» теряет свое влияние, поскольку не могла эффективно противостоять дворянским требованиям участия в управлении. Хотя успех в проведении реформ Александра II В.Б. Линкольн в значительной степени возлагает именно на таких людей.

Представителей «просвещенной бюрократии» можно было встретить в высших государственных учреждениях. Те молодые и талантливые чиновники, которые воспитывались на их прогрессивных идеях, под их влиянием, пополняли, как правило, состав тех же высших или центральных органов власти и управления и не могли существенно влиять на «качество» чиновников местных учреждений, которые оставались менее образованными и менее материально заинтересованными в добросовестном исполнении службных обязанностей.

Р. Пайпс в работе «Россия при старом режиме» проследил развитие российской государственности в течение нескольких столетий, сделав ударение на отношениях между различными сословиями и аппаратом управления [6, с. 188-416]. Большое внимание он уделил описанию бюрократического аппарата России на основе концепции патримониализма. В ней он указал, что патримониальный тип государства просуществовал вплоть до 1860-х годов.

Дж. ле Донн исследовал роль дворян в государственном управлении на основе изучения личного состава Сената и высшего звена местной администрации в 1762–1796 гг. [16]. Затрагивал он и некоторые аспекты деятельности бюрократии (в основном высшей – например, генерал-губернаторов) и в других своих работах [17–19].

В 1975 и 1976 гг. в Гарвардском и Корнельском университетах состоялись конференции, посвященные истории бюрократии в России, где были представлены результаты новых исследований в англоязычном научном сообществе. Результатом этих конференций стало коллективное издание одиннадцати американских историков об эволюции российского чиновничества и бюрократизации российского общества в XVII–XX вв. Исходя из идеи приемственности в развитии российской бюрократии, авторы изучали демографические и социальные параметры больших групп чиновничества в течение десяти поколений [29] (в 1993 г. обозначенный сборник был переиздан и в этой работе мы ссылаемся также и на него). В сборник вошли несколько статей, которые стали фактически классическими по указанной проблематике.

Статья Р. Гивенса посвящена изучению дворян-чиновников российской провинции 1770–1780-х годов. Его работа построена на анализе отличий в карьере воевод и товарищей воевод состоянием на 1773 г. и казначеев и председателей судебных палат состоянием на 1788 г. Исследователь пытался таким образом уточнить представления о влиянии службы на дворянство после Манифеста 1762 г. Р. Гивенс пришел к выводу о том, что правительство мало ценило квалификацию чиновников, и не учитывало ее при увеличении длительности гражданской службы. Он считал справедливой мысль о выборной службе как продолжении обязательной, от которой она отличалась определенной свободой выбора для дворян, которые избегали службы в провинции [13].

Американские исследователи В. Пинтнер и К. Роуни утверждали, что с XVII в. в ходе развития функций управления происходит их разделение и превращение в своеобразную иерархию – устанавливается соответствующий порядок работы учреждений («деловодство») и критерии отбора и продвижения их личного состава («чинопроизводство»). Вместе с расширением сферы государственного регулирования бюрократической дисциплине подчинялись новые экономические, социальные и политические функции общества. Разрастающееся чиновничество первым подвергалось бюрократизации и именно поэтому, по мнению ученых, его изучение признается приоритетным при исследовании российского общества. В. Пинтнер и К. Роуни считают, что в XVIII–XIX вв. происходит изъятие из-под дворянского контроля функции управления, в результате чего формируется ультрабюрократическое государство, где принципы и правила деловодства заменяет закон [28].

Отдельные статьи американского историка В. Пинтнера, которые также вошли в указанный сборник, посвящены характеристике российской бюрократии конца XVIII – первой половины XIX вв. и отличаются справочным характером. Эти исследования проведены на основе формулярных списков чиновников, которые сохранялись в то время еще в Ленинградском центральном государственном историческом архиве. Ученый использовал в основном формуляры чиновников, служивших в высших и центральных государственных учреждениях, но частично использованы и списки чиновников местных учреждений. Статистический анализ этих источников показал, что к середине XIX в. в среде высшего и среднего чиновничества значительно выросла доля дворян, которые не владели земельной собственностью и крепостными, то есть не имели независимого дохода [25, р. 227]. Ученый анализировал преимущественно чиновничество великороссийских губерний. Среди служилого дворянства, например, украинского происхождения, которое относилось к среднему звену чиновничества, такая тенденция наблюдалась задолго до определенного Пинтнером периода (прим. наше – С.Д.).

В. Пинтнер обнаружил, что с точки зрения социального и экономического статуса чиновничество до середины XIX в. мало изменилось – высшая его прослойка (I–V ранги) состояли из дворян. Исследователь также определил другие изменения, которые носили фундаментальный характер: до середины XIX в. в России сформировалась новая модель профессиональной карьеры чиновничества, которую можно было уже сопоставлять с западноевропейской. Это было связано, во-первых, с количественным увеличением чиновников, которое требовало установления определенных формальных процедур в

управлении, разделении функций и институционального его оформления – создания министерств, разделении их на департаменты и т.п. Во-вторых, общее развитие образования и создание системы высшего образования в начале XIX в. стали важным фактором, который повлиял на систему рекрутирования чиновнических кадров. По наблюдениям Пинтнера, уже с 1840-х годов преимущество при принятии на службу стало даваться лицам, которые закончили учебные заведения, и законодательство Николая I лишь отрегулировало и ускорило этот процесс [24, р. 224].

Вообще В. Пинтнер сделал большой вклад в количественные исследования чиновничества Российской империи как социальной группы. Он проанализировал около 8 тыс. формулярных списков служащих, имевших чины от XIV класса и выше и служили в центральных и губернских учреждениях в 1755–1855 гг. Наибольшее внимание ученый при этом уделял их социальному происхождению, экономическому положению, национальности и уровню полученного образования [23-25]. В. Пинтнер в свое время был практически единственным, кто сумел провести крайне трудное исследование большой группы среднего чиновничества. В частности он применил математические методы в работе с формулярными списками. Результаты показали, что карьера чиновника лишь на 31 % зависела от образования, на 18 % – от сословной принадлежности, на 12 % – от богатства и на 39 % – от других факторов. Указанные данные и ныне широко используются исследователями разных аспектов функционирования чиновничества Российской империи [5, с.16]. А в одной из своих ранних работ он подсчитал, что приток гражданских лиц на службу в центральных государственных учреждениях вырос с 62,5 % в 1770–1779 гг. до 71,9 % в 1790–1799 гг., а в провинциальных за тот же срок – с 9,4 % до 15,2 % [22].

Отношению российского чиновничества к различным поощрениям (чинам, орденам, льготам) посвятил свое исследование Х. Беннет [9]. Он рассмотрел чиновническое сообщество как социальную среду, сравнил иерархию табельных чинов и должности (так называемые реальные рабочие места, которые предусматривали выполнение конкретных функций). Ученый попытался проанализировать влияние чинов и должностей на профессиональную и личную жизнь служащих. По его мнению, чинопроизводство было не просто продвижением по службе, но и знаменовало собой изменение социального статуса личности.

В разные годы различным аспектам истории бюрократии Российской империи посвящали свои исследования и другие представители так называемой зарубежной школы руссистики. Среди них следует назвать Д. Орловски [21], А. Синела [30], Д. Флинна [12] и др. Некоторые ученые выбирали российскую имперскую бюрократию как основной предмет своих исследований, а кто-то затрагивал эту проблему лишь поверхностно.

Заключение

Следует отметить, что состояние источниковой базы не позволяет проводить исследования самых широких слоев чиновничества Российской империи (бюрократии местного уровня) – материалы, позволяющие обнаружить демографические характеристики, слишком фрагментарны и касаются в большей степени чиновников высших рангов. Основной массив источников составляют формулярные списки, но они сохранились не полностью и не содержат исчерпывающей информации о происхождении чиновника и характере его собственности. Но американские, британские и немецкие историки провели большую работу в этом направлении и достигли значительных результатов. При этом они использовали эмпирические данные из работ С. Троицкого, П. Зайончковского, Н. Демидовой и др. Они обратили внимание на внутренние факторы в изменениях бюрократии в первой половине XIX в., что позволило обнаружить признаки ее эволюции в этот период. Статистические исследования ученых подтвердили мысль о наличии в чиновнической среде двух разных «миров» – персонала центральной и провинциальной администрации, – которые отличались не только уровнем образования и способами продвижения по службе, но и мировоззренчески. Хотя, безусловно, обозначенная тематика остается актуальной – много ее аспектов до сих пор являются малоисследованными.

Благодарности

Работа выполнена в рамках фундаментального исследования 0115U000677.

Примечания:

1. Бабич М.В. Вопрос о взаимоотношениях самодержавия и дворянства России во второй половине XVIII в. в современной англо-американской историографии // Вестник Московского университета. Серия 8. История. № 6. 1989. С. 59-70.
2. Бурлачук В.Ф. Бюрократия как феномен власти и управления (Научно-аналитический обзор советской литературы, изданной в 1980-1988 гг.). К., 1989. 48 с.
3. Дегтярьов С.І. Роль європейської й американської історіографії у вивченні чиновництва України кінця XVIII – першої половини XIX ст. // Гілея: науковий вісник. Вип. 85 (№6). К., 2014. С. 75-80.
4. Мизес Л. Бюрократия. Запланированный хаос. Антикапиталистическая ментальность. М.: Дело, Catallaxu, 1993. 240 с.
5. Морякова О.В. Провинциальное чиновничество в России второй четверти XIX века: социальный портрет, быт и нравы // Вестник Московского университета. Серия 8. История. № 6. 1993. С. 11-23.
6. Пайпс Р. Россия при старом режиме. М.: Независимая газета, 1993. 422 с.
7. Соколов Н.П. Линкольн В.Б. В авангарде реформ: русские просвещенные бюрократы 1825-1861. Lincoln W.B. In the wanguard of reform: Rissia's enlightened bureaucrats 1825-1861. – Dekalb: Nothern Illinois univ. press, 1982. - 297 p. // Общественные науки за рубежом. РЖ. Реферативный журнал. Серия 5. История. № 2. М., 1984. С. 38-40.
8. Уортман Р.С. Властители и судии: Развитие правового сознания в императорской России. М.: Новое литературное обозрение, 2004. 520 с.
9. Alexander J.T. Autocratic polities in national crisis: The imperial Russian government and Pugachev's revolt (1773-1775). Bloomington-London: Indiana University Press, 1969. XII, 346 p.
10. Bennett H.A. Chiny, ordena, and officialdom // Russian officialdom: the bureaucratization of the Russian society from the seventeenth to the twentieth century / Ed. by Walter McKenzie and Don Karl Rowney. London, 1993. P. 162-189.
11. Dukes P. Catherine the Great and the Russian nobility: A study based on the materials of the Legislative Commission of 1767. Cambridge, 1967. 269 p.
12. Flynn J.T. The Universities, the Gentry, and the Russian Imperial Service, 1815-1825 // Canadian Slavic Studies. Winter 1968. P. 486-503.
13. Givens R.D. Eighteenth-century nobilitary career patterns and provincial government // Russian officialdom: the bureaucratization of the Russian society from the seventeenth to the twentieth century / Ed. by Walter McKenzie and Don Karl Rowney. London, 1993. P. 106-129.
14. Hassell J. The Implementation of the Russian Table of Ranks during the Eighteenth Century // Slavic Review. 1970. Vol. XXIX. № 2. P. 283-299.
15. Jones R. The Emancipation of the Russian Nobility 1762-1785. Princeton, New Jersey, 1973. 326 p.
16. LeDonne J.P. Appointments to the Russian Senate 1762-1796 // Cahiers du monde russe et sovietique. 1975. № 1. P. 27-56.
17. LeDonne J.P. Absolutism and Ruling Class: The Formation of the Russian Political Order, 1700-1825. New York: Oxford University Press, 1991. 376 p.
18. LeDonne J.P. Russian governors general, 1775-1825. Territorial or functional administration? // Cahiers du Monde russe. № 42/1. 2001. P. 5-30.
19. LeDonne J.P. Administrative regionalization in the Russian empire, 1802-1826 // Cahiers du Monde russe. № 43/1. 2002. P. 5-34.
20. Lincoln W.B. In the wanguard of reform: Rissia's enlightened bureaucrats 1825-1861. Dekalb: Nothern Illinois univ. press, 1982. 297 p.
21. Orlovsky D.T. Recent Studies oin the Russian Bureaucracy // The Russian Review. 1976. Vol. 35. № 4. P. 448-467
22. Pintner W.M. The Social Characteristics of the Early 19 th Century Russian Bureaucracy // Slavic Review. 1970. Vol. XXX. № 3. P. 429-443.
23. Pintner W. The Russian higher civil service on the eve of the «Great Reforms» // Journal of social history. 1975. P.55-68.

24. Pintner W. The evolution of civil officialdom, 1755-1855 // Russian officialdom from the 17th through the 20th centuries: The bureaucratization of Russian society / Ed. by Pintner W., Rowney D.K. Chapel Hill, 1980. P. 190-226.
25. Pintner W. Civil officialdom and the nobility in the 1850' // Russian officialdom from the 17th through the 20th centuries: The bureaucratization of Russian society / Ed. by Pintner W., Rowney D.K. Chapel Hill, 1980. P. 227-249.
26. Raeff M. Origins of the Russian inteligensia: The Eighteenth century nobility. New York, NY: Harcourt Brace Jovanovich, 1966. 248 p.
27. Raeff M. The Russian autocracy and its officials // Raeff M. Political ideas and institutions in imperial Russia. Westview press, 1994. P. 77-91.
28. Rowney D.K., Pintner W.M. Officialdom and bureaucratization: an introduction // Russian officialdom: the bureaucratization of the Russian society from the seventeenth to the twentieth century / Ed. by Walter McKenzie and Don Karl Rowney. London, 1993. P. 3-18.
29. Russian officialdom from the 17th through the 20th centuries: The bureaucratization of Russian society / Ed. by Pintner W., Rowney D.K. Chapel Hill, 1980. XVIII, 390 p.
30. Sinel A. The Socialization of the Russian Bureaucratic Elite, 1811-1917: Life at the Tsarskoe Selo, Lyceum and the School of Jurisprudence // Russian History. 1975. № 3 (1). P. 1-31.
31. Torke H.-J. Das russische Beamtentum in der ersten Halfte des 19 Jahrhunderts // FOG. 1967. Bd. 13. P. 7-345.
32. Wortman R. The development of a Russian legal consciousness. Chicago: University of Chicago Press, 1976. XI, 345 p.
33. Yaney G.L. Law, Society and the Domestic Regime in Russia in Historical Perspective // The American Political Science Review. 1965. Vol. 59. № 2. P. 379-390.
34. Yaney G.L. The Systematization of Russian Government: Social Evolution in the Domestic Administration of Imperial Russia, 1711-1905. Urbana; Chicago: University of Illinois Press, 1973. 430 p.

References:

1. Babich M.V. Vopros o vzaimootnosheniyakh samoderzhaviya i dvoryanstva Rossii vo vtoroy polovine KhVIII v. v sovremennoy anglo-amerikanskoj istoriografii // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8. Istorija. № 6. 1989. S. 59-70.
2. Burlachuk V.F. Byurokратиya kak fenomen vlasti i upravleniya (Nauchno-analiticheskiy obzor sovetskoy literatury, izdannoy v 1980-1988 gg.). K., 1989. 48 s.
3. Degtyarev S.I. Rol' yevropeys'koyi y amerykans'koyi istoriografii u vyvchenni chynovnytstva Ukrayiny kintsya XVIII – pershoj polovyny XIX st. // Hileya: naukovyy visnyk. Vyp. 85 (№6). K., 2014. S. 75-80.
4. Mizes L. Byurokратиya. Zaplanirovanny khaos. Antikapitalisticheskaya mental'nost'. M.: Delo, Catallaxy, 1993. 240 s.
5. Moryakova O.V. Provintsial'noe chinovichestvo v Rossii vtoroy chetverti KhIKh veka: sotsial'nyy portret, byt i nravy // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8. Istorija. № 6. 1993. S. 11-23.
6. Payps R. Rossiya pri starom rezhime. M.: Nezavisimaya gazeta, 1993. 422 s.
7. Sokolov N.P. Linkol'n V.B. V avangarde reform: russkie prosveshchennye byurokraty 1825-1861. Lincoln W.B. In the wanguard of reform: Rissia's enlightened bureaucrats 1825-1861. – Dekalb: Nothern Illinois univ. press, 1982. 297 p. // Obshestvennye nauki za rubezhom. RZh. Referativnyy zhurnal. Seriya 5. Istorija. № 2. M., 1984. S. 38-40.
8. Uortman R.S. Vlastiteli i sudii: Razvitie pravovogo soznaniya v imperatorskoj Rossii. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2004. 520 s.
9. Alexander J.T. Autocratic polities in national crisis: The imperial Russian government and Pugachev's revolt (1773-1775). Bloomington-London: Indiana University Press, 1969. XII, 346 p.
10. Bennett H.A. Chiny, ordena, and officialdom // Russian officialdom: the bureaucratization of the Russian society from the seventeenth to the twentieth century / Ed. by Walter McKenzie and Don Karl Rowney. London, 1993. P. 162-189.
11. Dukes P. Catherine the Great and the Russian nobility: A study based on the materials of the Legislative Commission of 1767. Cambridge, 1967. 269 p.

12. Flynn J.T. The Universities, the Gentry, and the Russian Imperial Service, 1815-1825 // Canadian Slavic Studies. Winter 1968. P. 486-503.
13. Givens R.D. Eighteenth-century nobilitary career patterns and provincial government // Russian officialdom: the bureaucratization of the Russian society from the seventeenth to the twentieth century / Ed. by Walter McKenzie and Don Karl Rowney. London, 1993. P. 106-129.
14. Hassell J. The Implementation of the Russian Table of Ranks during the Eighteenth Century // Slavic Review. 1970. Vol. XXIX. № 2. P. 283-299.
15. Jones R. The Emancipation of the Russian Nobility 1762-1785. Princeton, New Jersey, 1973. 326 p.
16. LeDonne J.P. Appointments to the Russian Senate 1762-1796 // Cahiers du monde russe et sovietique. 1975. № 1. P. 27-56.
17. LeDonne J.P. Absolutism and Ruling Class: The Formation of the Russian Political Order, 1700-1825. New York: Oxford University Press, 1991. 376 p.
18. LeDonne J.P. Russian governors general, 1775-1825. Territorial or functional administration? // Cahiers du Monde russe. № 42/1. 2001. P. 5-30.
19. LeDonne J.P. Administrative regionalization in the Russian empire, 1802-1826 // Cahiers du Monde russe. № 43/1. 2002. P. 5-34.
20. Lincoln W.B. In the vanguard of reform: Russia's enlightened bureaucrats 1825-1861. Dekalb: Northern Illinois Univ. press, 1982. 297 p.
21. Orlovsky D.T. Recent Studies on the Russian Bureaucracy // The Russian Review. 1976. Vol. 35. № 4. P. 448-467
22. Pintner W.M. The Social Characteristics of the Early 19th Century Russian Bureaucracy // Slavic Review. 1970. Vol. XXX. № 3. P. 429-443.
23. Pintner W. The Russian higher civil service on the eve of the «Great Reforms» // Journal of social history. 1975. P.55-68.
24. Pintner W. The evolution of civil officialdom, 1755-1855 // Russian officialdom from the 17th through the 20th centuries: The bureaucratization of Russian society / Ed. by Pintner W., Rowney D.K. Chapel Hill, 1980. P. 190-226.
25. Pintner W. Civil officialdom and the nobility in the 1850' // Russian officialdom from the 17th through the 20th centuries: The bureaucratization of Russian society / Ed. by Pintner W., Rowney D.K. Chapel Hill, 1980. P. 227-249.
26. Raeff M. Origins of the Russian intelligensia: The Eighteenth century nobility. New York, NY: Harcourt Brace Jovanovich, 1966. 248 p.
27. Raeff M. The Russian autocracy and its officials // Raeff M. Political ideas and institutions in imperial Russia. Westview press, 1994. P. 77-91.
28. Rowney D.K., Pintner W.M. Officialdom and bureaucratization: an introduction // Russian officialdom: the bureaucratization of the Russian society from the seventeenth to the twentieth century / Ed. by Walter McKenzie and Don Karl Rowney. London, 1993. P. 3-18.
29. Russian officialdom from the 17th through the 20th centuries: The bureaucratization of Russian society / Ed. by Pintner W., Rowney D.K. Chapel Hill, 1980. XVIII, 390 p.
30. Sinel A. The Socialization of the Russian Bureaucratic Elite, 1811-1917: Life at the Tsarskoe Selo, Lyceum and the School of Jurisprudence // Russian History. 1975. № 3 (1). P. 1-31.
31. Torke H.-J. Das russische Beamtentum in der ersten Hälfte des 19 Jahrhunderts // FOG. 1967. Bd. 13. P. 7-345.
32. Wortman R. The development of a Russian legal consciousness. Chicago: University of Chicago Press, 1976. XI, 345 p.
33. Yaney G.L. Law, Society and the Domestic Regime in Russia in Historical Perspective // The American Political Science Review. 1965. Vol. 59. № 2. P. 379-390.
34. Yaney G.L. The Systematization of Russian Government: Social Evolution in the Domestic Administration of Imperial Russia, 1711-1905. Urbana; Chicago: University of Illinois Press, 1973. 430 p.

УДК 323.37(477)

**Чиновничество Российской империи: обзор западноевропейской
и американской историографии 1960–1980-х годов**

Сергей Иванович Дегтярев

Сумский государственный университет, Украина
40009, г. Сумы, ул. Коминтерна, 17
Доктор исторических наук, доцент
E-mail: starsergo@bigmir.net

Аннотация. Проанализировано состояние изучения истории бюрократии Российской империи XVIII–XIX вв. западноевропейскими и американскими учеными. Их заслугой стало изучение не только административно-политического развития чиновничества Российской империи, но и его социально-психологического и личностного аспектов. В частности предметом исследователей становились: влияние российского чиновничества на экономическую и социальную жизнь империи (Л. Мизес); психологическая связь дворянства и представителей других сословий с государственной службой (М. Раев, П. Дьюкс, В. Пинтнер); мировоззрение чиновников (Р. Уортман); превращение чиновничества в отдельную социально-управленческую группу (Дж. Хассел); личный состав различных государственных учреждений (Дж. ЛеДонн, Р.Д. Гивенс, Р. Уортман); система служебных поощрений (Х.А. Беннет); влияние прогрессивных представителей высшей бюрократии на реформы первой половины XIX в. (В.Б. Линкольн) и др.

Особое внимание уделено научным работкам представителей американской школы русистики, появление которой связано с началом обмена опытом между советскими и американскими исследователями в 60–70-х годах XX в.

Ключевые слова: западноевропейская и американская историография, школа русистики, Российская империя, чиновничество, бюрократия.